

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 340
© 2015 г.

П.П. Баранов

РОССИЙСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
СЕГОДНЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Баранов Павел Петрович – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Южно-Российского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН, г. Ростов-на-Дону, e-mail: pravosoznanie@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты отечественной юридической науки. Анализируются основные причины и проявления кризисных явлений современного правоведения. Автор предлагает пути преодоления застойных явлений в юридической науке на основе совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений и выработки общей государственно-правовой доктрины.

Ключевые слова: законодательство, кризис юридической науки, методология юридической науки, правовая ментальность, правоведение, правовые традиции, правосознание, предмет и метод юридической науки, причины кризиса юридической науки, проявления кризиса юридической науки, юридическая практика.

Окружающая нас действительность наглядно демонстрирует определенное снижение значения и роли гуманитарного знания. Гуманитарные науки в современном мире не занимают значимого места, и им

не придается сколько-нибудь серьезного значения. Общественность, как правило, проявляет равнодушие к достижениям гуманитарных наук, которые вызывают действительный интерес у сравнительно небольших социальных групп, так называемой интеллигенции.

Во многом это объясняется тем, что современное общество традиционно относит к наукам экономику, социологию, политологию, юриспруденцию и т. д., которые по существу науками можно назвать с известной натяжкой. Основы этих «наук» мало соответствуют критериям истины научной теории познания, критериям, которые требуют как минимум четко определиться с понятийным аппаратом науки. Кроме того, научная теория познания должна всегда опираться на оба критерия научной истины – логику и эксперимент, что происходит далеко не всегда.

На основе этих предварительных соображений попробуем, не претендуя на истину в последней инстанции, охарактеризовать основные контуры современного состояния отечественной юридической науки.

Такие науки, как физика, химия и биология, планомерно развиваются и открывают все новые и новые горизонты знания. Есть так называемая общая копилка, в которую методично складываются открытия и достижения, приближающие нас к познанию истины. Точные науки живут и совершенствуются. Настоящий переворот в сознании миллиардов людей продолжает происходить вследствие всемирной информатизации последних десятилетий, а отнюдь не вследствие каких-либо открытий и достижений гуманитарного знания.

В том числе и по этой причине у обычных людей возникает закономерный вопрос: чем же в эпоху глобальных технических открытий занимаются представители юридической науки? Однако в процессе формулировки и поиска ответа на этот вопрос само существование юридической науки ставится под сомнение. Не отрицается, пожалуй, наличие различных типов правовых систем в различных модификациях и ряда специальных договоренностей между государствами в рамках международного права. Что же касается представителей юридического знания, то их часто обвиняют в бесконечном изучении и комментировании уже существующего, а не в разработке и предложении нового, т.е. упрекают в бессмысленной и бесконечной интерпретации, «реинтерпретации», «переинтерпретации».

В качестве одной из предпосылок того обстоятельства, что юридическая наука медленно, но верно отходит на периферию общественного сознания, предлагается также осознать тот факт, что само общество не чувствует потребности в юридической науке, и последняя от-

вечает взаимностью, развиваясь сама в себе. Речь идет о том, что юридическая наука не может похвастаться тем же прозрачным и действенным механизмом воздействия на практику, как естественные науки. Кроме того, часть теоретико-юридических построений заведомо носит не практический характер или же не предполагает конкретных способов своей апробации. Именно отсутствие у современного юридического знания ярко выраженной и ощущаемой практической направленности также указывается как один из факторов кризисного состояния юридической науки.

Однако, как отмечают исследователи, рассматривать юридическую науку исключительно в контексте анализа ее практических результатов не всегда верно и характерно для несколько упрощенного подхода. Не всегда смысл познания заключается в реализации результатов исследования, а определение их ценности должно обуславливаться исключительно практической значимостью. Такое «утилитарное» понимание может нивелировать существование всей теоретической науки. Популярное утверждение о псевдонаучности исследований, не имеющих выхода на практику, видится излишне категоричным.

Речь ведется о том, что, возможно, оценка научности той или иной теории лежит в сфере не только практики, но и такого сложного понятия, как «истина». Однако даже в том случае, когда теория представляется «неистинной», это еще не означает ее «ненаучность», если основные принципы научного исследования соблюдены. Нельзя забывать и того, что в рамках любой науки, как известно, обязательно существуют как устоявшиеся теории и гипотезы, так и соответствующие проблемы и парадоксы. Во всех случаях недоказанность предположения или его невостребованность текущей практикой не является основанием для отказа в научном и познавательном статусе. В противном случае практический аспект проблемы «подменит» саму проблему, а непосредственно природа научного знания будет нивелирована. Таким образом, более точным и методически верным было бы утверждение юридической науки в качестве специального арсенала «эпистемологических» принципов и теорий. В свою очередь прикладные науки создают так любимые современным общественному сознанию технические алгоритмы. Такой подход позволяет избежать одностороннего представления о роли и месте теоретической науки и ее соотношения с юридической практикой. Кроме того, это позволяет представить проблемы юридического знания не только в контексте юридической, но и более общей, социальной практики, характеризующей духовно-нравственные основы общества [7, с. 19–24]. В таком аспекте

необходимо рассматривать критерии истинности «научного» и в более широких контекстах.

Однако вопрос о воздействии на практику – лишь один из многих вопросов к современной юридической науке. Существует мнение, что соответствующие отрасли знания излишне консервативны и находятся в перманентном состоянии застоя, давно уже не предлагая ничего нового. При этом как англосаксонские, так и континентальные правовые модели, изначально основанные на «культе собственности», не следует рассматривать как образец, так как по своей сути они являются инструментом защиты интересов правящих элит, которым просто необходимо специальное пространство для широкого маневра в толкованиях. Также отмечается, что субъективное толкование норм права в ходе правоприменительной практики приводит к насущной необходимости профессиональной защиты прав и свобод граждан.

В идеале же граждане государства должны иметь гарантии надлежащего рассмотрения их вопросов вне зависимости от наличия, например, возможности оплатить дорогостоящего и заранее более опытного и «выигрышного» адвоката. Судебные решения, как и приговоры, должны быть предсказуемы во всех случаях, а предметом оспаривания должны остаться только доказанность или недоказанность тех или иных фактов. Однако современное правовое поле дает для практикующих правоприменителей очень широкий простор для толкования.

С другой стороны, сам по себе субъективный фактор нередко выступает и как средство дискредитации самой идеи права. Самое время вспомнить мысль И.А. Ильина о том, что «механическое сопоставление “признаков”, указанных в норме, и в “свойствах”, данных в жизни, – есть операция, убивающая право, уродующая жизнь и подрывающая в душах волю к правопорядку» [3, с. 219].

Другая проблема, о которой мы уже говорили, может быть сформулирована следующим образом. Современная юридическая наука не в состоянии оказывать сколько-нибудь значительное влияние на правовую ситуацию. Такое положение вещей во многом определяется тем, что в условиях отсутствия четких научно обоснованных принципов развития нашего общества совершенно закономерным является субъективизм власти. Создать действительно правовое государство в таких условиях весьма затруднительно. Точно так же и правовая система зависима от власти, а официальный правопорядок все больше отчуждается от человека.

В основе изменений законодательства, как правило, лежит политическое решение, а юристы посредством юридической техники лишь

выступают как инструмент для воплощения данного решения в жизнь. В остальных случаях вся «исследовательская» деятельность сводится к соответствующему комментированию. Да, формально по итогам этого комментирования даются собственно юридические заключения, однако на деле, как мы уже говорили, большинство изменений в законодательстве носит или технический, или политический характер. Профессор В.В. Лазарев в этой связи справедливо отмечает, что если в прежние времена «вызовы науке происходили реально от рабского или крепостнического состояния человека, от игнорирования или прямого нарушения прав и свобод человека и гражданина, от того, сыт он или голоден», то на сегодняшний день «постмодернистские ценности в юридической науке влекут за собой неменьшие опасности превращения науки в служанку власть предержащих, чем критикуемые многими легистские и пандектистские позиции» [4, с. 181–191].

Новые условия требуют и новых критериев оценки значимости юридических исследований. Так, значимыми предлагается считать исследования, которые в состоянии непосредственно сейчас или в перспективе оказывать влияние на юридическую практику, юридическое мышление, правовую действительность в целом и иные сопутствующие явления. При этом следует помнить, что ценность приращиваемого юридического знания, как правило, рассматривается через призму существующего государственного строя, политического режима, правовой традиции, правовой ментальности и т. д., что еще раз подчеркивает важность учета не только непосредственно юридической практики, но и практики социально-правовой и общественно-исторической. Именно по этой причине ряд ученых-юристов утверждают, что оценить принципиальную практическую значимость и применимость собственных результатов в состоянии лишь сама наука, т. к. юридическая практика не менее субъективна, конъюнктурна и подвержена целому ряду иных обстоятельств в их историко-философском измерении. При этом в методологическом отношении соответствующая «невозребованность» научных идей – еще не основание для оценки научности или истинности юридического теоретического исследования [7, с. 19–24].

Однако на подобные утверждения высказываются и контрдоводы как социального, так и прикладного характера. Касаются эти аргументы непосредственно характера исследований. Речь идет о том, что вместо фундаментального изучения юридических определений юристы-теоретики увлекаются анализом действующих национальных законодательств, которые изначально субъективны. А сама по себе фраза, распространенная в среде юристов, – «сколько юристов, столько

мнений» – вызывает все больше нареканий. Выдвигается тезис о том, что в серьезной науке не может быть десяти мнений относительно основополагающих определений и категорий, иначе такая наука ничем не будет отличаться от базарного словоблудия.

В этой связи следует обратить внимание на более глубокие основания кризиса, которые берут свое начало именно у западной традиции права. Известный американский юрист Г. Дж. Берман писал о том, что право в XX в. как в теоретическом, так и в практическом аспектах все меньше воспринимается как связанное целое и все больше как «мешанина, каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм». В ситуации, когда метаправо разрушилось, на его смену пришел правовой цинизм. Тезис о том, что право не привязано напрямую к конкретному государству, отходит на задний план. Все большую популярность получает представление о праве как специальном инструменте политической и экономической элиты. По мнению ученого, речь идет не только о кризисе идеи индивидуализма, либерализма или же секуляризма, но и кризисе всей правовой традиции. «Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль. Оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности» [1, с. 48–53].

Нельзя не признать, что современный кризис международной юриспруденции особенно заметен. На международной арене происходят столкновения различных правокультурных моделей и систем. Непрекращающиеся попытки международного сообщества провести глобальную унификацию законодательства разных стран терпят крах. Серьезный раскол в среде специалистов по международному праву произошел после воссоединения Крымского полуострова и России. Каждый лагерь предлагает свое видение произошедшего в контексте существующего международного права, и у каждого лагеря – своя правда и аргументация в защиту оригинального толкования проблемы. В этой связи, как на одну из причин научно-теоретического кризиса на почве толкования уже произошедшего, можно указать на излишнее увлечение последних лет проблемой унификации и имплементации норм международного права, тогда как проблема сохранения и поддержания мирового правопорядка в условиях правовой самобытности в глобальном понимании несколько отошла на второй план.

Основной же насущной задачей мирового юридического научно-общественного сообщества следует признать разработку доктрины действительно демократического и равноправного мироустройства, основанного на четких и, главное, соблюдаемых принципах, обязательных для всех без

исключения участников международных отношений. Именно соблюдение норм права, в том числе внутригосударственного, всеми участниками соответствующего договора лежит в основе достаточно шаткого, как оказалось, современного миропорядка. Так, оценивая итоги политического кризиса на Украине, В.Д. Зорькин пишет: «Если право погибнет, то мир окажется у края бездны. И я не вижу той великой идеи, которая может заменить собою право, спасая мир от низвержения в бездну. Я бы хотел, чтобы такая идея существовала. Но пока что на горизонте не маячит ничего подобного. А право рушится. Рушится стремительно» [2]. На наш взгляд, события на Украине наглядно показывают всю важность недопущения ситуации повсеместного кризиса правосознания и то, как понимание идей права в одной стране может влиять на все международное сообщество в целом. В этой связи, на наш взгляд, отечественная юридическая наука должна сосредоточиться на разработке действенных механизмов защиты и охраны суверенитета Российской Федерации во всех сферах человеческой жизнедеятельности как внутри страны, так и в международной правовой плоскости. Как показала современная ситуация, бездумная интеграция во все сферы процессов общемировой глобализации несет в себе очень серьезные риски и опасности.

Не умаляя значения перечисленных обстоятельств, все же следует признать, что юридическая наука не стоит на месте. Она продолжает развиваться за счет как усложнения и систематизации юридического языка, так и приращения новых знаний и выработки новых идей. Юридическая наука в той или иной мере реагирует на важнейшие общественно-политические события, отражает объективную политико-правовую реальность, а также старается доступно и по-новому переосмыслить социально-правовой опыт.

Не останавливается процесс юридического образования в вузах, систематизируется и дополнительно координируется деятельность диссертационных советов. Однако до сих пор ощущаются глобальные негативные последствия политического, экономического и правового кризиса 90-х гг. XX в., когда стремительный слом прежних идеологических установок привел к системному кризису правового общественного сознания россиян. Встал вопрос не просто о замене одних юридических понятий другими, а о принципиальном изменении всего правового пространства, как фактического, так и научного. Специфическая общественно-политическая обстановка требовала немедленного генерирования принципиально новых идей и концепций, в том числе в правовом поле, и они не замедлили появиться. В юридической науке

развернулись дискуссии о просчетах классового подхода к сущности социальных явлений и деидеологизации юридического научного знания. До сих пор существует мнение, что кризис отечественной юридической науки связан с тем, что она «не удовлетворяет запросы новой юридической практики, поскольку ориентирована на старую социалистическую идеологию, на исчерпавшие себя в юридической практике идеалы естественной науки и марксистской философии, на устаревшие знания и методологию» [6, с. 6–8].

В конечном итоге после косметической коррекции основных целей и приоритетов юридическая наука приступила к «обслуживанию» уже принципиально иной политической системы в условиях сильно изменившегося общества и правосознания. Причиной кризиса юридической науки в то время явилось то, что она на протяжении длительного срока развивалась в узких методологических рамках марксизма. Серьезные изменения в социально-экономической и политической системе российского общества в 90-е гг. XX в. привели к изменению в структуре юридической науки. Исчезли целые отрасли научного знания, не соответствующие новым реалиям. Серьезные проблемы возникли и при определении нового общественно-политического строя в стране. Старый понятийный аппарат, разрабатываемый и используемый многими десятилетиями, уже мало подходил для этой задачи. Даже традиционная пятичленная формационная модель исторического процесса развития общества оказалась под большим сомнением.

Часть отечественных ученых-юристов выделяют специальные формы кризиса отечественной юридической науки. К таковым они относят догматизм, демагогию, апологетику и метафизичность. Как нам кажется, обозначенные проблемы присущи не только российской (ранее советской) юридической науке, но и юридической науке в целом как явлению на всех многочисленных исторических этапах ее развития на уровне национальных юриспруденций и в общемировом измерении. Речь идет только о степени подверженности, широте охвата и глубине проникновения этих негативных форм в юридические взгляды, идеи, концепции и доктрины.

Одним из основных показателей кризиса юридической науки является почти полное отсутствие серьезных и принципиально новых исследований как в методологическом, так и в конкретно-правовом аспектах. Большинство современных концептуальных, или старающихся такими казаться, исследований страдают от двух крайностей. Часть исследований классифицируется как работы, выполненные в рационально-догматическом ключе. Такие работы не вызывают и не в

состоянии вызвать научного отторжения, однако новых идей они также не порождают. Другая часть работ заведомо обречена на справедливые обвинения в зыбкости теорий, откровенной мифичности и метафизичности правовых конструкций. Авторы из второй условной группы, как правило, привычно обвиняют первых в закостенелости и формализованности мышления, отсутствии новых концептуальных идей и подходов, однако сами, как и двадцать лет назад, продолжают оперировать совершенно фантастическими идеями государственно-правового устройства. Идеи эти заведомо обречены на обсуждение, однако не обладают каким-либо внятным политико-правовым потенциалом и свидетельствуют скорее не о принципиальной новизне, а о нежелании заниматься вопросами реальной юриспруденции в принципе. При этом современное российское правоведение очень остро нуждается в глубоких масштабных теоретико-методологических исследованиях, по своей значимости и оригинальности не уступающих трудам С.С. Алексеева, А.М. Васильева, Д.А. Керимова, В.Ф. Котока, П.Е. Нетбайло, А.А. Пионтковского и др.

В вину современной юридической науке ставят также то обстоятельство, что по многим вопросам современной жизни у юриспруденции нет сколько-нибудь убедительных, конструктивных и единых правовых решений. Такими проблемами являются проблемы клонирования людей и животных, смертной казни, досрочного прерывания беременности, определения момента юридической смерти организма, использования человеческого тела в качестве платного или бесплатного донорского материала, совершения преступлений в состоянии «зомбированности», принадлежности родительских прав при искусственном осеменении и имплантации зародышей и т. д. Таким образом, мы наблюдаем целый комплекс вопросов, порожденных в том числе непосредственными «успехами» естественных наук, тогда как юридическая наука предложить правовые пути их решения затрудняется.

Часть современных исследований носит настолько формализованный и подчеркнута «затеорезированный» характер, что оценка этих зачастую любопытных научных произведений все же колеблется между гимнастикой для ума и словоблудием. Также в постоянную практику вошло так называемое научное рейдерство, когда чужие идеи и теории абсолютно цивилизованным способом после минимальной фасадной коррекции выдаются не просто за свои, а за свои идеи, претендующие на оригинальное новое знание и открывающие соответствующие горизонты в науке. Отдельно в этой связи следовало бы упомянуть и проблему недоброкачественных научных исследований, став-

шую очень актуальной в последние годы во всем мире в среде ученых-гуманитариев.

Рост числа недоброкачественных диссертационных работ достиг такого уровня, что данная ситуация, вызвав огромный общественный резонанс, обратила на себя внимание как государственных, так и общественных структур. На добровольной общественной основе были созданы экспертные сообщества, включающие в себя и профессиональных ученых, которые занимаются выявлением случаев заимствований, фальсификаций публикаций и других нарушений при проведении диссертационных исследований. Надо сказать, что современная ситуация с диссертациями, защищенными чиновниками разного уровня, в том числе и федерального, по итогам общественных экспертиз оказалась настолько удручающей, что это повлекло целый ряд административных, хочется верить полезных, преобразований. Однако, учитывая тот факт, что 90 % своих диссертационных исследований, в том числе недоброкачественных, чиновники различных уровней защищали и защищают по юридическим наукам, можно сказать, что престижности юридическому знанию такая негативная ситуация совершенно не добавляет.

Следующим проявлением рассматриваемого кризисного состояния юридической науки является характерная для последнего времени излишне активная законодательная деятельность на федеральном уровне, по результатам которой Федеральное собрание удосужилось сравнения с «неисправно работающим принтером» и «печатным станком», который работает без контроля со стороны печатника. Речь не идет о напрашивающейся политической оценке издаваемых законодательных актов. Даже аполитичный взгляд на стремительно увеличивающееся количество законодательных актов позволяет говорить об их слабой проработанности и имеющем место игнорировании достижений науки правоведения. Уже привычной становится ситуация, когда изменения к только что принятому федеральному закону принимаются в течение всего одного месяца со дня его принятия, что еще раз говорит о его очень слабой юридической подготовке. В стратегии развития законодательства отсутствуют научно разработанные цели. Например, провозглашенная и начатая в 2011 г. либерализация уголовного законодательства уже в конце 2014 г. признается неудачной. Принимаются сотни поправок, дополнений и изменений, что скорее напоминает бесконечное латание дыр, а не серьезную, продуманную и концептуальную работу по реформированию законодательства. Так, число статей в КОАП РФ с 2001 г. по настоящее время увеличилось в три с лишним раза.

Депутаты Государственной думы Российской Федерации систематически вносят на рассмотрение нижней палаты парламента различные спорные и странные законопроекты, которые зачастую дискредитируют саму идею парламентаризма. Чего могут стоить, например, такие законопроекты, как проекты перекраски Кремля в белый цвет, изменения цвета российского флага, запрещения кед и обуви на шпильках, заполнения умирающих деревень китайцами, и др.

Напомним и о проблеме практической не востребованности существующих достижений современной юридической науки, оказавшейся в ситуации, когда она не в состоянии оказывать сколько-нибудь значительное влияние на правовые реалии. Сегодня реальная жизнь и юридическая наука находятся в принципиально разных плоскостях. В основе изменений законодательства, как правило, лежит политическое или лоббистское решение, а юристы как носители юридической техники лишь выступают как инструмент для воплощения данного решения в жизнь. В остальных случаях вся «исследовательская» деятельность сводится к бесконечному, как мы уже отмечали, комментированию, тогда как большинство изменений в законодательстве носит редко технический, а чаще политический характер. Такой серьезный отрыв юридического знания от юридической действительности дает основание для еще одного утверждения о несостоятельности юридического знания как соответствующей науки.

На сегодняшний день предлагается большое число способов реорганизации юридического знания и выведения юридической науки на принципиально новый уровень как в рамках существующих координат, так и включающих соответствующую смену парадигм и переоценку ценностей. В качестве направлений реорганизации предлагаются, например, новое понимание юридической науки; создание концепции единого универсального права; активизация сотрудничества с техническими науками; решение внутренних методологических проблем и др.

Что же касается насущных проблем юридической практики, то самый логичный способ ее совершенствования – это минимизация субъективного фактора или тогда уже выделение субъективного фактора в особый юридический институт, а возможно это или нет в современных условиях – это уже другой вопрос. Однако для этого должны быть созданы соответствующие условия. Так же как в математике есть понятия, которые принимаются как данность, в юриспруденции нужны свои отправные точки и аксиомы, т. к. без них немислимо построение базового логического аппарата системы права.

Также есть мнение, что выйти из кризиса юридические науки могут лишь путем смещения акцентов в выполняемых функциях – приоритет должен быть отдан творчеству, а дальнейшие шаги в современном развитии юридической науки должны стать предметом для специального обособленного изучения. Кроме того, необходима выработка несоциологических критериев оценки научности юридических теорий. Это в свою очередь предполагает необходимость концептуальных методологических разработок в данной плоскости. В целом идея развития юридической науки сводится, как правило, к двум основным направлениям. Первое гласит, что развитие юридической науки может идти в существующих границах, без изменения основных структурных элементов, а второе утверждает, что реформа юридической науки должна быть обязательно связана со сменой основных парадигм и понятий в процессе выдвижения новых идей [5, с. 120].

В этой связи следует отметить, что российская юридическая наука в настоящее время находится на этапе мучительных поисков принципиально иной мировоззренческой парадигмы, отражением которой должны стать новые пути и принципы государственно-правового развития России в XXI в. В современной научной юридической литературе наряду с отсутствием соответствующей концепции существует серьезный разброс мнений о путях дальнейшего развития не только юридической науки в России, но и самого государственно-общественного строя. Одни ученые-юристы рассматривают будущее государственно-правовое развитие России в русле религиозной интерпретации истоков государственно-правовых институтов и явлений. Другая часть правоведов предлагает вернуться к изучению основ в трудах дореволюционных ученых-юристов. Третьи предлагают использовать методологическую основу представителей западной науки.

Однако большинство ученых-юристов продолжают оставаться в плену старого позитивистского, догматического юридического мышления и мировоззрения. В целом же за последние 20 лет под воздействием и инертным влиянием марксистско-ленинской идеологии произошло возникновение сложного симбиозного – научного юридического сознания, вобравшего в себя идеологические советские элементы (марксизм, ленинизм, коммунизм) и постсоветские (либерализм, прагматизм). Однако ряд либеральных идей и ценностей, таких как индивидуализм, потребительский образ жизни и другие «прекрасные» идеалы либеральной демократии, не так легко приживается на почве иного правокультурного поля. Неспособность юридической науки по-новому посмотреть на сущностную ценность структуры научного пра-

вового знания проявляется, например, в том, что учебники по теории государства и права советской и постсоветской России остались практически неизменными и малоотличающимися.

Это в значительной мере происходит от того, что в государственно-правовой сфере, так же как и в экономике переходного периода, происходят разнонаправленные процессы либерально-демократического и командно-административного характера, наблюдаются серьезные противоречия между правовыми принципами и политической целесообразностью. По этой причине научные представления стратегии государственно-правового развития нашей страны носят сугубо вероятностный характер и полностью зависят от вкусов, предпочтений и мировоззренческих позиций ученых.

Как социальная наука, правоведение обладает неразрывной связью с государствообразующими ценностями и идеалами. В этой связи одной из наиболее значимых задач отечественной правовой и в целом гуманитарной науки на сегодняшний день следует признать воплощение в жизнь идеи нациостроительства и нациообразования в современной России. Только таким образом возможны консолидация правовых идей всех населяющих Россию этносов и достойное закрепление места российского народа в современном геополитическом пространстве. Именно национальная идея должна связать воедино прошлое, настоящее и будущее российского общества на основе незыблемых духовных национальных ценностей. Выработка общенациональной идеи, которая одновременно выступит и как национально-государственная идея, это и есть основная задача современного российского правоведения и один из главных путей выхода современной отечественной юридической науки из кризиса.

В целом же современная юридическая наука испытывает серьезные сложности в выработке объективной правовой методологии и научной доктрины, способствующих определению достойного пути дальнейшего государственно-правового развития. Юридической науке на современном этапе необходимо сделать выбор основных целеполагающих мировоззренческих ориентиров и принципов, соответствующих новым вызовам времени, на основе глубоких фундаментальных исследований в области философии права, теории права и социологии права. Необходимо без лишних иллюзий, трезво оценить состояние государства и права в современной России и реальные возможности его участия в построении справедливого правового миропорядка в быстроменяющейся геополитической системе координат.

Литература

1. Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. 624 с.
2. Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибает, то мир окажется у края бездны // Российская газета. 2014. 12 марта.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания / публ. Н.Н. Ильиной. Мюнхен, 1956. 223 с.
4. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex russica. 2013. № 2. С. 181–191.
5. Пучков О.А. Роль антропологического знания в оценке правовых теорий // Вестник Удмуртского ун-та. Экономика и право. 2011. Вып. 2. С. 119–124.
6. Розин В.М. Генезис и современные проблемы права. Методологический и культурологический анализ. М., 2001. 217 с.
7. Тарасов Н.Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотнесение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 19–25.

References

1. Berman G.D. Zapadnaia traditsiia prava: epokha formirovaniia. M., 1998. 624 s.
2. Zor'kin V.D. Tsivilizatsiia prava. Esli pravo pogibaet, to mir okazhetsia u kraia bezdny // Rossiiskaia gazeta. 2014. 12 marta.
3. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniia / publ. N.N. Il'noi. Miunkhen, 1956. 223 s.
4. Lazarev V.V. Iuridicheskaiia nauka: sovremennoe sostoianie, vyzovy i perspektivy (razmyshleniia teoretika) // Lex russica. 2013. № 2. S. 181–191.
5. Puchkov O.A. Rol' antropologicheskogo znaniia v otsenke pravovykh teorii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo. 2011. Vyp. 2. S. 119–124.
6. Rozin V.M. Genezis i sovremennye problemy prava. Metodologicheskii i kulturologicheskii analiz. M., 2001. 217 s.
7. Tarasov N.N. Iuridicheskaiia nauka i iuridicheskaiia praktika: sootnesenie v metodologicheskom kontekste (o praktichnosti iuridicheskoi nauki i nauchnosti iuridicheskoi praktiki) // Rossiiskii iuridicheskii zhurnal. 2012. № 3. S. 19–25.